

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1989

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

А. Н. БАСКАКОВ, Т. Б. КРЮЧКОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЖИЗНИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Языковая жизнь многонационального государства — явление сложное. Тенденции ее развития, как правило, во многом отражают процессы, происходящие в других сферах социальной жизни, являясь в определенном смысле их индикатором. С другой стороны, положение, которое занимает тот или иной язык в многонациональном социуме в целом, а особенно в жизни его непосредственных носителей, может явиться одной из причин возникновения различных конфликтных ситуаций в обществе.

Из сказанного очевидно, что языковая жизнь требует постоянного внимания и всестороннего изучения, а также регулирования со стороны общества на строго научной основе.

Широкая программа языкового и культурного строительства, осуществленная в 20—30-х годах в СССР на основе принципов ленинской национальной политики, во многом обязана своими успехами тесному сотрудничеству руководящих советских и партийных органов с компетентными учеными-лингвистами. Примером такого сотрудничества может служить опыт деятельности Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР, объединявшего авторитетных ученых-языковедов, таких, как Н. Я. Яковлев, Е. Д. Поливанов и другие, и имевшего широкие полномочия в разработке и внедрении письменностей для многих языков народов СССР.

Однако в конце 30-х годов «динамизм, присущий начальному этапу формирования многонационального государства Советов, был существенно утрачен и подорван отходом от ленинских принципов национальной политики, нарушениями законности в период культа личности, идеологией и психологией застоя. Абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса, утверждались представления о беспроблемности национальных отношений» [1].

Особенно наглядно это проявлялось в отношении к малым народам; интерес к языку, культуре, а порой и к самому факту их существования постепенно угасал. Косвенным доказательством этого служат материалы переписей населения. Всесоюзная перепись 1926 г. зарегистрировала в СССР 194 национальности, по данным переписи 1939 г. их насчитывалось 99, переписью 1959 г. учтено 109 этнонимов, 1970 — 106, 1979 — 101 (с оговорками соответственно по годам — 97, 126, 122, 123). При этом следует указать, что далеко не всегда отсутствие данных о той или иной национальной группе населения свидетельствует об

ее исчезновении. В некоторых случаях этническая группа продолжает существовать, сохраняя свой язык и культуру, но ее этноним не включают в список, представленный в переписи, считая, видимо, эту группу слишком малочисленной [2].

С другой стороны, некоторые народности действительно растворяются среди других — более крупных. Но этот процесс не вызывал особого беспокойства ни у директивных органов, ни среди ученых. Е. Зеймаль отмечает, что в ходу у обществоведов такое «теоретическое обоснование» этой тенденции: «Консолидация социалистических наций на основе экономического, социального и культурного сближения народностей в условиях социализма проявляется в объединении, слиянии обособленных этнических групп, существование которых в результате прекращается. Этот процесс рассматривается и оценивается по аналогии с процессами дальнейшего стирания классовых различий, сближения умственного и физического труда, города и деревни и тому подобными явлениями и тенденциями, прогрессивность которых не вызывает (да и не может вызывать) сомнений. Иногда — с оттенком одобрения и даже гордости — исследователи отмечают „уменьшение этнической мозаичности нашей страны“» [3. С. 64—65].

Отход от ленинских принципов национальной политики сказался, естественно, и на языковом строительстве и планировании. Языковая политика стала осуществляться без должной опоры на научные данные и рекомендации. Да и разработать такие рекомендации в условиях, когда многие научные дисциплины, изучавшие различные аспекты общественной жизни, были либо подвергнуты запрету, как социология, либо изучали только позитивные стороны своих объектов, как демография, этнография, языкознание, было весьма затруднительно. Из сферы анализа были исключены такие научные объекты, как социально-профессиональные группы советского общества, целые народы, народности и этнические группы, в особенности не имевшие или лишенные своих государственных или территориальных образований. Социолингвистическое направление в изучении живых языковых процессов заглохло на долгие годы.

Когда в 60-х годах произошло возрождение советской социолингвистики, она столкнулась со значительными трудностями, некоторые из которых не преодолены и поныне. Это прежде всего касается той области социальной лингвистики, которая обращена к анализу языковых процессов, протекающих в социалистическом обществе. Дело в том, что как междисциплинарная наука, рассматривающая языковые процессы в органической связи с детерминирующими их социальными процессами, социолингвистика не могла и не может развиваться без социологических данных. Между тем отечественная социология, долгие годы подвергавшаяся запрету, не накопила достаточного теоретического и фактологического багажа. Сказанное, конечно, не означает, что социолингвисты все эти годы сидели сложа руки и ожидали, когда социология обеспечит их необходимыми теоретическими концепциями и материалами конкретных социологических исследований. Были разработаны многие общетеоретические вопросы социальной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины, созданы теория социальных функций языков и функциональная типология языков, исследовано влияние на язык разного рода социальных факторов, проанализированы различные аспекты взаимоотношения языка и культуры и т. д. Проводились конкретные социолингвистические исследования, в ходе которых немногочисленные ученые данной специальности собирали материал (естест-

венно, в том объеме, в каком это позволяли сделать привлекаемые к работе силы и средства) по функционированию национальных и русского языков в отдельных регионах страны, а также в различных сферах социальной жизни. На основании этих исследований давались рекомендации по различным проблемам языковой жизни народов СССР, но они, к сожалению, мало учитывались при проведении конкретных мероприятий в этой области.

Оценивая развитие советской социолингвистики в предшествующие десятилетия, нельзя упускать из виду тот факт, что она, как и любая другая общественная наука, имеющая объектом исследования непосредственно одну из сторон жизни социума, находится в прямой зависимости от общефилософских концепций, господствующих в тот или иной период. Они существенным образом влияют на общеметодологические установки и теоретические построения социолингвистики: особенно наглядно это проявляется в объяснительной функции теории, поэтому многие недостатки, в которых упрекают теперь социолингвистику, являются ничем иным, как отражением того положения дел, которое сложилось в нашей философии и социологии.

В настоящее время, когда в советском обществе происходят революционные изменения, характеризующиеся возвращением к подлинно ленинским принципам построения социалистического общества, коренным образом меняются и требования, предъявляемые к общественным наукам. «Творческий марксизм-ленинизм, — отмечалось на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся действительности. Анализ критический, ни от чего не отворачивающийся, ничего не скрывающий, не боящийся никакой правды. Только такой анализ работает на социализм. Нет и не может быть никаких ограничений для подлинно научного поиска. Вопросы теории не могут и не должны решаться никакими декретами. Нужно свободное соревнование умов. От этого только выиграет наша общественная мысль, умножится ее прогностическая сила, а значит — способность служить надежной основой для выработки политики партии» [4].

Естественно, что в этом свете у общественных наук появляются и совершенно новые возможности как в области конкретных исследований, так и в сфере теоретических поисков. Однако не следует строить иллюзий и ожидать, что теперь, как по мановению волшебной палочки, сразу появятся работы, в полной мере отражающие все сложные процессы, происходящие в разных сферах общественной жизни, а применительно к нашей дисциплине — в области языковой жизни народов СССР. Здесь требуется проведение крупномасштабных исследований с привлечением больших сил и средств. Ведь существуют такие регионы страны, о языковой ситуации в которых вообще мало что известно. Особенно это относится к языковому существованию «малых» народов, а также народов, не имеющих своей государственности или проживающих за ее пределами. Дело осложняется тем обстоятельством, что проводить эти исследования, по существу, некому. Малочисленная лаборатория социальной лингвистики Института языкознания АН СССР в лучшем случае способна осуществлять координацию этой деятельности в стране, разрабатывать методики исследований, нацеливать на получение сопоставимых результатов. Еще более малочисленные социолингвистические подразделения языковедческих институтов республиканских академий и филиалов АН СССР, естественно, концентрируют свои силы на изучении функционирования языка основного населения соответствующей

республики и русского языка как средства межнационального общения, поскольку здесь также имеется много проблем, требующих пристального внимания ученых. Исследования же других языков, представленных на их территориях, не только не расширяются, но в некоторых случаях даже сворачиваются.

Сложно обстоит дело и с получением статистической информации. Раньше казалось, что стоит только ее открыть, и ученые получат в руки все необходимые материалы. На деле оказалось, что многих данных просто нет. При том, что в стране существует гигантская отчетность, не предусмотрен сбор статистических данных по ряду важнейших позиций, например, в республиках не фиксируется количество учащихся общеобразовательных школ по национальным языкам. Ввиду этого социолингвистам приходится самим по крупицам собирать такого рода материалы, затрачивая на это много времени и сил.

Все проблемы, конечно, нельзя решить в один день. Сейчас предпринимаются меры, направленные на улучшение положения дел. Так, в АН СССР создан научный совет «Язык и общество», основные усилия которого будут направлены на активизацию исследований языковых процессов в нашей стране, обобщение опыта языкового планирования и языкового строительства зарубежных стран. Предусмотрены и другие научные и организационные мероприятия. Все это, бесспорно, в будущем даст свои результаты.

Однако же сейчас, базируясь на имеющихся результатах и данных, можно более полно осветить некоторые аспекты языковой ситуации в нашей стране, выявить соотношение объективных и субъективных факторов в формировании отдельных негативных тенденций, наметить пути их преодоления. Мы попытаемся сделать это на материале функционирования национальных и русского языков в тюркоязычных республиках Средней Азии и Казахстана.

Особую озабоченность в этом регионе вызывают такие негативные тенденции в языковой жизни, как сокращение функций и социальной базы некоторых тюркских языков, в частности казахского и киргизского, снижение качества владения литературными тюркскими языками и качества образования на них. Отстает от потребностей всего многонационального советского общества количественное и качественное развитие тюркско-русского двуязычия. В стране, и особенно за рубежом, эти негативные тенденции часто объясняются якобы проводимой политикой русификации, отсутствием патриотизма по отношению к родным языкам, администрированием. Несомненно, административно-командные методы в национальной и языковой политике сыграли отрицательную роль в духовной жизни страны. Примером тому может служить кампания по повышению уровня знания русского языка в 70—80-х годах. Большинство мероприятий, проведенных в ее рамках, носило экстенсивный характер и было направлено на увеличение учебного времени занятий по русскому языку, создание программ по углубленному его изучению, что при отсутствии достаточного количества должным образом подготовленного преподавательского состава, естественно, не могло дать положительных результатов. При этом снижалось внимание к качеству обучения родным языкам, имели место приписки к процентным показателям свободного владения русским языком при переписи 1979 г. В конечном счете пострадал престиж русского языка и продолжал снижаться уровень владения литературными нормами как русского, так и тюркских языков.

Но все негативные процессы в языковой жизни данного региона нельзя объяснять воздействием только субъективных факторов. В основе их лежат также процессы этнолингвистического, социально-демографического и социально-экономического характера.

Весьма острые национально-языковые проблемы возникли в связи с неравномерным социально-демографическим развитием основных национальностей региона. Во всех рассматриваемых республиках сельское население коренных национальностей превышает городское: около 70% узбеков, казахов и туркмен и более 80% киргизов проживают в сельской местности, в городах узбеки и туркмены составляют менее половины, а казахи и киргизы — менее четверти населения. Учитывая большой прирост национального населения в регионе, в среднем превышающий общесоюзный в 3 раза и осуществляющийся главным образом за счет сельского населения [5], можно предположить, что в будущем разрыв между городским и сельским населением будет увеличиваться. По сравнению с РСФСР и Украиной интенсивность миграции в регионе ниже в 5—6 раз [6. С. 98]. Среди основных причин замедленной миграции сельского населения в город социологи называют завышенную оплату сельского труда, богатое личное подсобное хозяйство и плохое знание русского языка [7. С. 22]. Действительно, в среднем по региону доля свободно владеющих русским языком сельских жителей в 3 раза меньше доли городских жителей тех же национальностей. Так, в Туркмении 40% городских туркмен и только 15% сельских, в Киргизии 53% городского и только 15% сельского киргизского населения свободно владеют русским языком. Еще ниже уровень владения русским языком среди представителей основных национальностей, проживающих за пределами своих республик. Так, только 31% узбеков в городах Туркмении и 10% в сельской местности, 40% в городах и 11% в сельской местности Туркмении свободно владеют русским языком. Хуже всех русский язык знают представители народов, не имеющие в пределах СССР своей государственности. Так, только 4,1% белуджей свободно владеют русским языком. Весьма велик разрыв в уровне знания русского языка между мужчинами и женщинами. Например, русским языком свободно владеет 32% мужчин-туркмен и только 16% женщин.

Следует также отметить далекую от совершенства методику выявления уровня владения языком при переписях населения ввиду субъективности самооценок опрашиваемых, разного уровня языковой компетенции переписчиков и нечеткости содержания понятия «свободное владение языком». Очевидно, это понятие следует дифференцировать в соответствии с возрастными, образовательными и социальными характеристиками носителей языков. Свободное владение языком различно у младших и старших возрастных групп, у лиц с разным образовательным уровнем, у работников физического и умственного труда и пр. Свободное владение языком в социоллингвистическом понимании может быть определено как владение языком, адекватное социальному статусу и социальной роли его носителя.

Среди лингвистически релевантных различий между городом и деревней можно отметить дисперсность этнического состава города и этническую концентрацию в деревне, сложную социально-профессиональную структуру, предусматривающую функциональную расчлененность деятельности в городе и относительно однородную социальную структуру деревни, различия в степени развитости социокультурной

инфраструктуры города и деревни [8. С. 49—50]. Все эти различия обуславливают большую социальную активность и плотность контактов городского населения, более высокий образовательный и культурный его уровень и как следствие этого — более высокий уровень владения родными и русским языками. Спецификой городов региона является сосредоточение основных производственных и социокультурных потенциалов в столицах республик. Здесь же проживает большинство русскоязычного населения. Что касается средних и малых городов региона и поселков городского типа, то национальный контингент там значительно выше, чем в столицах, однако социально-классовый состав и культурный уровень населения в них, владение им литературными нормами родных и русского языков приближается к уровню сельской местности.

Преобладание сельского населения основных тюркоязычных национальностей в регионе определяет его социальный состав и образовательный уровень, что отражается на языковой компетенции представителей этих национальностей и на использовании ими родных и русского языков. К характерным особенностям социальной структуры населения региона следует отнести преобладание занятого населения и избыточных трудовых ресурсов в сельской местности, относительно низкую долю занятого населения (на 10% ниже, чем в стране), непропорциональность общего количества коренного населения его долям среди промышленных рабочих и некоторых других категорий работников физического и умственного труда по сравнению с русскими и некоторыми другими национальностями. Среди причин этого можно отметить слабую урбанизацию, большую долю младших возрастных групп среди коренного населения, особенности семейно-бытового уклада — патернализм, слабую социализацию женщин, низкий уровень владения языками.

В среднем доля лиц основных национальностей республик среди промышленных рабочих составляет около 10—15% всего занятого населения этих национальностей, а среди работников сельского хозяйства — до 60—80%. В то же время доля русских, украинцев, белорусов, татар, немцев и других национальностей среди промышленных рабочих составляет в среднем до 30% всех занятых представителей этих национальностей, а среди работников сельского хозяйства от 9—12% в Киргизии и Казахстане до нескольких долей процента в других республиках региона.

К категории служащих принадлежит около 20% представителей коренных национальностей и до 40% русских, украинцев и белорусов, а также лиц других национальностей. Общее же количество служащих коренных национальностей в 2—3 раза превышает количество служащих русской и других национальностей.

В целом по региону в сельской местности находится до 80% деятельного коренного населения, а в городах — до 80—90% деятельного русского, украинского, белорусского и прочего населения. В сферах физического труда доля коренных национальностей в 2—3 раза больше, а в сферах умственного труда в 2—3 раза меньше, чем доля русских и представителей других национальностей. Такое неравномерное социально-классовое деление национального и русскоязычного населения региона существенным образом сказывается на интернационализации трудящихся разных национальностей, на их образовательном и культурном уровне, на их языковой компетенции.

При высоких средних показателях количества лиц, имеющих все виды образования (в среднем 889 чел. на 1 000 занятого населения при

общесоюзном показателе на 1985 г. 883 чел.), достигнутых за счет общего среднего и начального образования, весьма низко количество представителей основных национальностей, имеющих высшее, среднее специальное и профессионально-техническое образование. Если в вузах, ссузах и профтехучилищах РСФСР, Украины и Белоруссии, в республиках Прибалтики получило образование около половины всей молодежи, то в соответствующих учебных заведениях региона Средней Азии и Казахстана — не более четверти молодых людей [9. С. 28]. На 1 000 населения региона в нем в 1,5 раза меньше студентов вузов и в 2 раза меньше учащихся ссузов и профтехучилищ, чем в других регионах страны [10. С. 83, 86]. Существенно различается количество лиц разных национальностей по видам образования. Так, в Узбекистане на 1 000 занятого узбекского населения приходится 112 лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, на 1 000 русских — соответственно 286 чел., на 1 000 татар — 216 чел., в Туркмении на 1 000 гуркмен — всего 55 чел., русских — 313 чел., татар — 206 чел. Между тем существует прямая зависимость между уровнем образования, культуры и квалификации и практическим использованием языков. Установлено, что знание и использование русского языка у квалифицированных специалистов — рабочих и служащих в сферах умственного и физического труда — в 2—3 раза выше, чем у неквалифицированных работников тех же национальностей [11. С. 130]. Что же касается родных тюркских языков, то более высокий образовательный и профессиональный уровень определяет преимущественное использование литературных норм родных языков, более высокую культуру родной речи. Социально-профессиональные группы национального городского и сельского населения с низким образовательным уровнем и низкой квалификацией используют преимущественно просторечные и диалектные формы родных языков.

Все указанные специфические особенности состояния и развития демографической и социальной структур населения региона, его образовательный уровень объективно отражаются на состоянии и развитии его языковой жизни. К наиболее социально значимым последствиям такого отражения следует отнести относительное сокращение социальной базы литературных тюркских языков основных национальностей в республиках региона. При абсолютном росте народонаселения этих национальностей рост сельского населения, использующего в своем большинстве диалекты и просторечие, обгоняет рост городского национального населения, использующего преимущественно литературные формы родного языка. Так, городское население Туркмении с 1970 по 1982 г. составляло 48%, а с 1983 по 1986 г. — 47%. Кроме того, у части городского населения основных национальностей, принадлежащего главным образом к младшим и средним возрастным группам рабочих и служащих, наблюдается снижение уровня знания родных языков, сокращается их использование в различных общественных сферах — в общественно-политической жизни, художественной культуре, в сфере гуманитарных наук, в семейно-бытовых отношениях. Особенно ярко эти явления проявляются в Казахстане и Киргизии, где основные национальности не составляют большинства населения, а доля их среди горожан не превышает 15—20%. Естественно, что при такой малой доле городского национального населения русский язык становится функционально первым не только в сферах профессиональной деятельности — на предприятиях и учреждениях, но и в повседневном общении представителей

основных национальностей с русскоязычным населением и друг с другом. Контингент слабо или совсем не владеющих родным языком представителей основных национальностей количественно невелик. В Казахстане, например, только 1,4% казахов не признают родным язык своей национальности [12. С. 116]. Приблизительно в этих же пределах находится число незнающих язык своей национальности и в других союзных республиках региона. Определенную озабоченность вызывает то обстоятельство, что среди этих малых процентов городского национального населения, плохо или совсем не владеющих родными языками, значительна доля лиц, принадлежащих к наиболее образованной, квалифицированной и социально активной части населения. Это партийные и советские работники, деятели науки и культуры, квалифицированные инженерно-технические работники, которые должны были бы быть носителями эталонных литературных норм своих родных языков. Часто родители, принадлежащие к указанным социальным группам, предпочитают отдавать своих детей в русские школы, так как образование на русском языке признается более качественным, чем образование на родных языках, а также открывает национальной молодежи двери средних специальных и высших учебных заведений не только в своих республиках, но и за их пределами.

Наблюдается также снижение читательского интереса к печатной продукции на национальных языках. Так, в 1983—1985 гг. в Казахстане количество нереализованной печатной продукции на казахском языке в 3 раза превышало непроданную литературу на русском языке. Уменьшается издание научной и научно-популярной литературы на основных языках союзных республик региона.

Другим важным последствием специфики социально-демографической структуры населения региона является серьезное положение с русским языком. Данные переписи 1979 г. о процентах населения, свободно владеющего русским языком, весьма относительно отражают реальную действительность ввиду указанных субъективных оценок и приписок. Кроме того, с момента переписи произошло существенное увеличение национального населения региона за счет младших возрастных групп сельского населения, степень владения которого русским языком весьма низкая (в среднем 10—15%). Иногда слабое развитие национально-русского двуязычия объясняют тем, что у тех или иных социальных групп населения или у целых народов якобы отсутствует социальная потребность в русском языке. Однако трудно представить, чтобы социалистические нации и народности, их отдельные социальные группы, все многонациональное советское общество не имели социальных потребностей в преодолении языковых барьеров во всех сферах общественной жизни Советского государства. В качестве наиболее наглядного примера здесь можно привести необходимость прохождения всем мужским населением страны службы в рядах Советской Армии. Не секрет, что для молодежи данного региона, проживающей в сельской местности, это оказывается весьма затруднительным именно из-за незнания или плохого знания русского языка. Военкоматы вынуждены организовывать курсы русского языка для призывников, чтобы хоть как-то компенсировать то, что эти молодые люди не получили в школе.

Следует отметить, что многие представители нерусскоязычного населения хорошо осознают, какие дополнительные социальные перспективы открывает овладение русским языком. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что родители из сельской местности, где порой 100% населения — это лица коренной национальности, обращаются в совет-

ские и партийные органы с просьбой открыть по месту жительства русскую школу, поскольку национальная школа не дает возможности овладеть русским языком в необходимом объеме.

Таким образом, речь может идти не об отсутствии социальных потребностей, а о благоприятных или неблагоприятных социально-демографических, социокультурных, экономических условиях для овладения и использования национальных и русского языков. Создание таких благоприятных условий является сейчас одной из важнейших задач в области решения национально-языковых вопросов. А «основой для решения этих вопросов,—как отмечалось в Тезисах ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции, является политический курс, сочетающий удовлетворение интересов всех наций с их сближением и взаимопомощью, интернационалистическая идеология, несовместимая с национализмом и шовинизмом» [13].

Все приведенные нами данные показывают, что существуют многочисленные объективные факторы, затрудняющие как распространение нормированных литературных языков основных национальностей, так и развитие национально-русского двуязычия в данном регионе. Но из этого, конечно, нельзя делать вывод о необходимости ожидать, когда изменится социально-демографическая и экономическая ситуация и указанные процессы будут протекать в более благоприятных условиях. Вопрос стоит иначе: какие неотложные меры следует осуществить, чтобы в какой-то мере нейтрализовать влияние этих факторов на языковые процессы. Следует отметить, что, в свою очередь, повышение уровня языковой компетенции населения тюркоязычных республик Средней Азии и Казахстана окажет благотворное влияние на изменение социально-экономической ситуации в регионе.

В целях наиболее эффективного обучения языкам, развития национально-русского и русско-национального двуязычия, а также элиминирования напряженности в области национально-языковых отношений представляется необходимым сосредоточить усилия в следующих направлениях:

1. Учитывая количество населения младших возрастных групп в регионе, следует особое внимание обратить на решение проблемы раннего билингвизма. В последнее время интенсивно муссируется тема о вреде раннего двуязычия. Рассуждают по этому вопросу обычно люди, весьма далекие от психологии, педагогики дошкольного возраста и социолингвистики, поэтому неудивительно, что их выводы не имеют под собой научной основы. В специальной литературе убедительно показано, что каждый ребенок с нормальными способностями может овладеть двумя или несколькими языками как стихийно, так и в процессе целенаправленного обучения. При стихийном изучении второго языка для того, чтобы не происходило смешения языков, должны соблюдаться следующие условия: каждый язык должен быть однозначно привязан к определенной ситуации общения: ребенок не должен слышать от одних и тех же лиц, например, родителей, одновременно два языка [14]. При специальном обучении языку опасность смешения языков еще меньше, естественно, при соблюдении методики обучения. И в первом и во втором случае ребенок должен хорошо овладеть структурой первого языка, прежде чем изучать второй (обычно это происходит к трехлетнему возрасту).

При любом из указанных способов овладения вторым языком билингвизм не влияет отрицательно на интеллектуальное развитие ребенка. Более того, рассматривая связь двуязычия и познавательного развития, ряд авторов приходит к выводу, что влияние второго языка

благотворно в большинстве случаев последовательного двуязычия [15—18].

В этой связи совершенно обоснованной представляется мысль о том, что «целенаправленное формирование двуязычия в системе общественного дошкольного воспитания должно не только достигать непосредственной цели — умения общаться на каждом из языков, но и вносить вклад в общее развитие ребенка» [19]. Раннее овладение вторым языком, кроме того, будет способствовать уменьшению нагрузки при обучении языкам в средней школе, что при нынешних насыщенных программах имеет немаловажное значение.

Особое внимание в детских садах, особенно в сельской местности, следует также обратить на то, чтобы дети в процессе дошкольного воспитания овладевали литературной формой родного языка. Для этого требуется использование специальных программ по развитию навыков речи, которые, к сожалению, во многих республиках отсутствуют. Однако многие работники дошкольных учреждений в сельской местности сами не владеют литературным языком и, естественно, не могут научить ему своих воспитанников.

В последнее время в некоторых республиках дискутируется вопрос о создании в крупных городах, где, как известно, часть коренного населения плохо владеет родным языком, специализированных детских садов на национальном языке; где дети коренных национальностей, не общаясь с детьми других национальностей на языке межнационального общения, хорошо овладевают родным языком. По-видимому, сторонники этой идеи забывают, что каждое детское учреждение, будь то детский сад или школа, наряду с образовательными выполняет и воспитательные функции. А такое разделение детей по национальному признаку с раннего возраста вряд ли будет способствовать интернациональному воспитанию. Нам представляется, что эту проблему надо решать путем создания смешанных детских садов, в которых бы параллельно функционировали группы с национальным языком воспитания и преподаванием русского языка в качестве второго (или если все дети группы, по существу, владеют русским языком в качестве первого, то без преподавания русского языка, тогда они превращаются в группы с интенсивным обучением национальному языку) и группы с русским языком воспитания и преподаванием национального языка в качестве второго. При этом дети из параллельных групп должны непременно общаться друг с другом. Бесспорно, в языковом плане это общение не должно носить стихийный характер. Оно должно проходить под наблюдением педагогов, специально моделирующих те или иные игровые ситуации с фиксированным употреблением национального и русского языков (особенно это касается детей младшего возраста, языковые навыки которых еще недостаточно устойчивы). Создание детских садов такого типа будет способствовать развитию двустороннего двуязычия и формированию еще в детском возрасте культуры межнациональных отношений.

2. Основной и самой массовой сферой обучения языкам является система народного образования, однако в данном регионе она, несмотря на все предпринимаемые меры, все еще не справляется со своими задачами. О слабой эффективности национальной школы в обучении русскому языку красноречиво говорят такие показатели: в 70-х годах среди источников овладения русским языком школа занимала не более 40% для городских и около 30% для сельских узбеков [7. С. 311]. У половин казахов и узбеков доля лиц, свободно владеющих русским языком, превышает долю лиц со средним и высшим образованием, у кир-

гизов эти показатели совпадают, а у туркмен доля лиц со средним и высшим образованием превышает долю лиц, свободно владеющих русским языком [7. С. 316]. Как видим, такие сферы стихийного обучения русскому языку, как производственная и домашняя, армия, улица, являются преобладающими для большинства основного национального населения региона, что существенно сказывается на качестве его русской речи, которая часто не соответствует уровню образования и социальному статусу индивидуума.

Среди наиболее острых проблем национальной школы в регионе следует отметить низкое качество обучения, в том числе и родным языкам. Одной из главных социальных причин этого является «различие в качестве получаемого среднего образования, и прежде всего в городской и сельской школе. В 1980/81 учебном году, например, в стране учителей с высшим образованием было в сельских школах — 68,3%» [20. С. 379]. Между тем до 80% национальных школ, контингента учителей и учащихся в регионе находятся в сельской местности, где общая культура, культура родных языков значительно уступают таковым в городе. Большинство учителей национальных сельских школ не владеют чистыми литературными нормами родных языков. Все это требует резко повысить уровень профессиональной подготовки преподавательских кадров, особенно учителей национальных и русского языков. Следует шире практиковать направление студентов, особенно выходцев из сельской местности, для обучения по специальности «русский язык и литература» в вузы РСФСР и других союзных республик с высоким уровнем владения русским языком. Наряду с этим нужно в полной мере обеспечить подготовку преподавателей-предметников для национальных школ на родных языках, что будет, с одной стороны, способствовать развитию национальных языков, их функциональных стилей, с другой — повысит уровень языковой компетенции в родном языке педагогов.

Необходимо также качественно изменить преподавание национальных языков в русских школах и вузах республик. Русскоязычный учащийся должен иметь реальную возможность овладеть навыками речевого общения на национальном языке в процессе школьного обучения. В особом внимании нуждается проблема подготовки специалистов-билингвов с высшим образованием, особенно по таким специальностям, как медицина, юриспруденция, и некоторым другим, поскольку представителям этих профессий без знания языка основного населения республик и русского языка просто невозможно выполнять свои обязанности на должном уровне.

Необходимо увеличить количество школ с параллельными языками обучения как в городах, где недостаточна национальная языковая среда, так и в сельской местности, где почти отсутствует русская языковая среда. В настоящее время такие школы и контингент учащихся в них не превышают 13—17% всех школ и учащихся в регионе; в Туркмении, например, всего 6% школ с двумя языками обучения. Расширение сети таких школ также способствовало бы развитию двустороннего двуязычия и интернациональному воспитанию учащихся.

3. В ряде гуманитарных общественных сфер в республиках необходимо сбалансировать взаимодействие национальных и русского языков. Анализ выпуска научной печатной продукции показывает, что в научных издательствах республиканских академий наук на национальных языках публикуется не более 6—7% всех видов научных изданий — монографий, сборников, справочников и прочего, тиражи которых не превышают 10% всех тиражей научных изданий. Тематика научных

изданий на национальных языках связана главным образом с гуманитарными дисциплинами, что с социолингвистической точки зрения вполне оправданно. Удручает, однако, тот факт, что количество этих изданий с годами сокращается. Так, по Аннотированному тематическому плану выпуска литературы издательства «Илим» на 1989 г., из 10 планируемых изданий по филологическим наукам на киргизском предусмотрено только 3, в то время как в первой половине 80-х годов до 90% трудов по филологии в Киргизии издавалось на киргизском языке. Такая тенденция сокращения написания и издания научной литературы по гуманитарным дисциплинам на национальных языках отрицательно сказывается на развитии общественных функций этих языков в сфере науки, образования, культуры, а также их терминологии, научного и публицистического стилей. Увеличение научных разработок по гуманитарным дисциплинам на основных национальных языках способствовало бы созданию оригинальной научно-популярной и учебной литературы на них, а также общему подъему национальной науки и культуры.

Конечно, и национальных филологов, и представителей других общественных наук, пишущих по-русски, можно понять. Они прекрасно осознают, что их труды могут стать достоянием общесоюзного и зарубежного читателя только на русском языке. Выход видится в сопро-вождении работ обширными резюме на русском языке, более детальным их реферированием центральными реферативными изданиями и т. д.

4. Следует интенсифицировать теоретическую и практическую работу по повышению в республиках культуры родной речи. С одной стороны, как уже отмечалось, большая часть населения основных национальностей республик не владеет литературной формой родного языка. На мероприятиях, которые необходимо осуществлять в этой связи, мы уже останавливались. С другой стороны, представители интеллигенции, особенно писатели, высказывают озабоченность в связи с засорением родной речи излишними русскими заимствованиями. Эта проблема нуждается в научном исследовании. В процессе контактирования языков заимствования — явление неизбежное. Вопрос в том, насколько целесообразно вхождение того или иного заимствования в язык, как происходит процесс адаптации иноязычного слова. На эти вопросы должны ответить специалисты в области культуры речи. В научной литературе существует масса работ, посвященных интерферирующему влиянию родного языка на русский. Наступил момент более интенсивно исследовать и другой аспект этого явления: в какой мере при высоком уровне владения русским языком и ограниченном использовании родного языка интерференция происходит в обратном направлении.

В настоящее время при решении вопросов о вхождении в язык заимствований, особенно в области терминологии, зачастую происходит довольно странное явление. Борясь за «чистоту» родного языка, лингвисты заменяют заимствования из русского языка не исконно тюркским словом или устоявшимся заимствованием из какого-либо другого языка, а новым арабским или персидским заимствованием, совершенно непонятным основной массе носителей языка. Как известно, в разные исторические периоды каждый язык в зависимости от степени контактов между народами, политической ориентации страны, в которой он функционирует, может находиться под преимущественным влиянием различных языков. Так, русский язык в процессе истории своего развития испытал влияние тюркских, немецкого, французского, английского и других языков. Но было бы весьма странно, например, сейчас бороться против засорения русского языка английскими заимствованиями, заме-

няя их немецкими. Ориентация на новые арабо-персидские заимствования в тюркских языках затрудняет образование общего лексического фонда в языках народов СССР, особенно она нежелательна в области общественно-политической лексики и терминологии, поскольку в языке-источнике заимствуемые слова имеют совсем иные, чем в языках народов нашей страны, идеологические коннотации.

5. Необходимо больше внимания уделять языковым потребностям «малых» народов, народов, не имеющих своей государственности или проживающих за ее пределами на территории тюркоязычных республик Средней Азии и Казахстана. Бесспорно, что в республиках для этих народов многое сделано и делается. Достаточно сказать, что кроме языков основных национальностей и русского, преподавание в школах ведется здесь на уйгурском языке, около 25 тыс. учащихся изучают немецкий язык как родной, имеются учебные группы с обучением корейскому, дунганскому и турецкому языку для детей соответствующих национальностей. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что все языковые потребности указанных народов и этнических групп удовлетворены в полной мере. Весьма сложные проблемы возникают с носителями бесписьменных языков, которые, приходя в школу, вынуждены сразу овладевать не только определенной совокупностью знаний, но и новым языком.

В данной сфере предстоит провести широкие социолингвистические исследования; продуктивны были бы и опросы общественного мнения среди представителей «малых» народов и этнических групп.

Здесь хочется обратить внимание на один очень важный момент. Говоря об оптимизации языковой жизни как больших, так и «малых» народов, нельзя забывать, что чисто механическое расширение общественных функций языков не всегда приводит к расширению социальных возможностей их носителей, что обусловлено объективными законами общественного развития, закономерностями развертывания научно-технической революции. Существуют (и в течение времени число их будет расти) такие сферы жизнедеятельности человека, которые требуют высокой степени внутрисоюзной, а иногда и международной интеграции. Очевидно, что в полной мере обеспечивать коммуникативные потребности этих сфер могут только языки межнационального и международного общения. Учитывая это, дальнейшее развитие языковой жизни нашей страны должно строиться на основе разумного распределения общественных функций между национальными языками и языком межнационального общения. При этом нельзя упускать ни малейшей возможности дать языку немногочисленной народности дополнительный шанс выжить, сохранив или даже введя его в какую-то дополнительную, пусть даже узкую, сферу, где он может функционировать, обеспечив при этом его носителям гарантии социального развития путем эффективного обучения языку (или языкам) с широкими социальными функциями.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС//Правда. 1988. 5 июля.

² Действительно, в масштабах многомиллионного населения страны в целом этническая группа, насчитывающая даже 100 тыс. чел., кажется малочисленной, но не следует упускать из виду, какая психологическая травма наносится таким подходом представителям малочисленных народностей, которые теряют даже свой этноним.

³ Зеймаль Е. Народности и их языки//Коммунист. 1988. № 15.

⁴ Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления//Правда. 1988. 19 февр.

⁵ Так, например, с 1960 по 1985 г. население Туркменской ССР удвоилось. При этом рождаемость на селе на 33% выше, чем в городе, а доля сельских мигрантов-туркмен в приросте городского населения составляет всего 14%. Таким образом, происходит дальнейший рост трудовых ресурсов в уже и так трудоизбыточных районах, большая часть их оказывается занятой в домашнем и сельском подсобном хозяйстве.

⁶ Методологические проблемы социально-экономического развития регионов СССР. М., 1979.

⁷ Социально-культурный облик советских наций. М., 1986.

⁸ Этносоциальные проблемы города. М., 1986.

⁹ Чижова Л. Характеристика занятого населения по районам страны//Население СССР сегодня. М., 1982.

¹⁰ Аутов Н. А. Социальное развитие регионов. М., 1985.

¹¹ Губогло М. Н. Современные этнолингвистические процессы в СССР. М., 1984.

¹² Хасанов Б. Х. Казахско-русское двуязычие: (Социально-лингвистический аспект). Алма-Ата, 1987.

¹³ Тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции//Правда. 1988. 27 мая.

¹⁴ Levizky E. R. Multilingualism bei Vorschulkindern//Mehrsprachigkeit und Gesellschaft. Tübingen, 1983. B. 2.

¹⁵ Burling R. Language development of a garo and English speaking child//Word. 1959. V. 15.

¹⁶ Feldman C., Shen M. Some language-related cognitive advantages of bilingual 5-year-olds//T. Genetic Psychology. 1971. V. 118.

¹⁷ Ianco-Worrall A. D. Bilingualism and cognitive development//Child Development. 1972. V. 43.

¹⁸ Slobin D. A case study of early language awareness//Children's conception of language. Berlin, 1978.

¹⁹ Негневицкая Е. И., Шахнарович А. М. К проблеме раннего двуязычия//Психология билингвизма. М., 1986.

²⁰ Карыпкулов А. К. Народное образование в развитом социалистическом обществе. Фрунзе, 1982.